

КОШМАРНЫЕ СНЫ ЭЛИТЫ

В значительной части российской элиты можно заметить затаенный, а иногда и проговариваемый страх перед неминуемым избранием Владимира Путина. И страх этот в определенной мере оправдан. Ведь не только народ, но и господствующий класс никакой роли в «назначении-избрании» Путина не играл. Всё решили Ельцин и его «семья», а элита, как и народ, лишь согласилась с принятым за нее решением, тут же предав (как она это делала всегда) своих прежних лидеров. При этом Путин и для нее остается «котом в мешке». Его речи, произносимые с убежденностью и решительностью, но состоящие из общих мест и сплошных противоречий, никакой серьезной информации о нем и его намерениях не дают и могут иметь такое же отношение к его дальнейшим действиям, как речи Ельцина 1990—1991 гг. к последующей деятельности нашего первого президента. Поэтому, как в «пятне Роршаха» или в облаке, каждый может рассмотреть в нем что-то свое, то, о чем он мечтает или чего страшится — нового Сталина (с надеждой — Проханов, с ужасом — демократы), Пиночета (рыночные романтики), де Голля и даже Наполеона (всякого рода умеренные «государственники»).

Видеть, как колоссальная власть, которой наделен у нас президент, переходит в руки человека, которого ты толком не знаешь, конечно, страшновато. Элита не может не бояться повторения того, что уже много раз было и в русской, и в мировой истории, когда неограниченный властитель, обуреваемый «сверхценными» идеями или снедаемый болезненным властолюбием, начинает «самоутверждаться» за счет элиты, иногда даже апеллируя к народу и натравливая его на социальную верхушку. В русской истории так делали все популярные правители — Иван Грозный, Петр I, Сталин, в какой-то мере — даже Андропов. А Путин явно апеллирует к этому народному комплексу «твердой руки», приносит цветы на могилу Андропова и резко, отрывисто произносит слова о порядке и сильном государстве. Между тем лозунги порядка и сильного государства — лозунги опасные. Сейчас они популярны и в элите, которой нужны стабильность и закрепление результатов приватизации, но стоит чуть-чуть усилить их звучание, чуть-чуть серьезнее к ним отнестись и начать их осуществлять на деле, и они очень легко могут превратиться из лозунгов, означающих закрепление элитарных «завоеваний», в лозунги антиэлитарные. Естественно, например, начать «наведение порядка» с уничтожения каких-либо одиозных олигархов вроде Березовского. Выгоды для Путина очевидны, а опасности невелики. Народ был бы в восторге, заграничные правительства и общественное мнение только приветствовали бы этот шаг, да и большая часть элиты была бы рада избавлению от амбициозных выскочек, от которых все уже устали. Но остановиться на одном или двух олигархах трудно. За Березовским могут пойти другие, как в свое время за Троцким, падение которого приветствовало большинство коммунистической элиты, пошли целые слои партийного актива. Где гарантии, что Путин не перейдет тонкую грань, отделяющую некоторое минимальное наведение порядка, нужное элите, от наведения порядка, уже не нужного и опасного для «широкой массы» господствующего класса?

Кое-какие гарантии от этого, разумеется, есть. Прежде всего сам факт путинской карьеры, его проникновение в узкий круг высшего чиновничества, где на него мог упасть благосклонный взор Ельцина, уже в какой-то мере является

гарантией. Социальные фильтры, пропускающие людей на такие должности, действуют очень точно, и отбор на них не менее сложен, чем отбор в космонавты. И в позднесоветскую, и в постсоветскую эпоху эти фильтры — совсем иного рода, чем те, сквозь которые поднялся наверх Сталин. Здесь требовались уже не догматическая преданность учению, а, напротив, отсутствие каких бы то ни было серьезных идей и полная готовность говорить те слова и даже думать те мысли, которые приняты в настоящее время, требовались не жесткость и взыскательность, а умение жить самому и давать жить другим.

Шансов на то, что в высший чиновничий круг пройдет человек с какой-то своей, слишком сильной и не «общезлитерной» идеей, с какими-то опасными для элиты чертами характера (слишком честный, слишком бескорыстный, слишком волевой), очень мало. Такого рода «неуправляемые» люди, попадавшие «наверх» случайно, по небюрократическим лифтам социальной мобильности, пулей вылетали обратно.

Путин же сделал блистательную карьеру, причем делалась она нормальным чиновничьим путем — он нравился своим начальникам. Представить себе, чтобы «неуправляемый», потенциально опасный человек мог сначала работать в КГБ, затем помогать Собчаку в приватизации, потом пригласиться Бородину и, наконец, понравиться Ельцину, очень трудно.

Избрание Путина «семьей», которая, видимо, руководствовалась не столько «классовыми», сколько специфически «семейными» соображениями, тоже является в какой-то мере гарантией и для элиты в целом. Прежде всего, «семейные» соображения должны были быть достаточно серьезны, ведь для Ельцина и его близких речь шла буквально о жизни и смерти. Ошибка всегда возможна, но когда такой опытный кадровик, как Ельцин, делает свой выбор далеко не с первого раза, вероятность грубого промаха не так уж велика. А если гарантии безопасности есть у «семьи», значит, они есть и у всей элиты. Вполне можно представить себе гибель «семьи» при сохранении правящего сословия, когда все беды и грехи списываются на «ельцинскую клику». Но представить себе противоположное — расправу над многими и разными представителями элиты при сохранении «семьи» и ее состояния в нетронutom виде — значительно сложнее. Невозможно осуществить действительно опасные для элиты антикоррупционные и деприватизационные меры, не затрагивая «семью» и, более того, не начав с «семьи».

Поэтому, подбирая преемника, Ельцин в какой-то мере объективно думал и о гарантиях для всего «высшего сословия», и его выбор был «с классовой точки зрения» правильным. Никаких намеков на «сверхценные» идеи, да и вообще на какие-либо идеи, выходящие за пределы теперешней «общезлитерной» идеологии, у Путина обнаружить не удастся. И очень не похоже, чтобы за его обтекаемыми словами, где-то глубоко внутри, были спрятаны оригинальные и сильные мысли. Если такие мысли есть, человек, даже разведчик, не может не проговориться. При отсутствии же таковых Путин будет решать проблемы, которые «подсказываются самой жизнью», и в формах, которые тоже «подсказываются самой жизнью», — прагматичных и умеренных, коренных интересов элиты не затрагивающих. Это — некоторое «наведение порядка» и борьба с коррупцией, но не до такой степени, чтобы производить передел собственности и перевернуть лодку, в которой все сидят; «возрождение России» и «отстаивание ее национальных интересов», но не до такой степени, чтобы уж совсем разрывать с Западом; «рынок», но без гайдаровского романтизма, и т. п.

Правда, конфликт лидера с господствующим классом может взреть не только на идейной почве. Он может произойти и из каких-то болезненных качеств характера, усугубляемых властью. Например, из-за комплекса неполноценности,

из-за потребности в лести, поклонении и страхе окружающих. Испуг в глазах подчиненных, восторги народа, списывание неудач на происки еще не добытых казнокрадов — все это легко может стать наркотиком, одурманивающим и властителя, и толпу.

Однако создается впечатление, что никаких патологий в путинском характере нет, и если по отношению к «классово чуждым» элементам у него нет особых моральных ограничений («беспощаден к врагам рейха»), то в отношении к «своим» он вполне нормален и человечен. Немыслимые жестокости войны в Чечне не вызывают у него ни малейших сомнений, мучений и колебаний. Но сочувствие представителя нашей верхушки солдатам, среди которых детей элиты не может быть «по определению», — такая же абстракция, как сочувствие нищим пенсионерам, а чеченцы вообще — чужие во всех отношениях — и классовом, и «циви-лизационном». Зато Путин плачет на похоронах Собчака, что говорит об умении быть благодарным и настоящим другом. И для элиты эти слезы также важнее войны в Чечне, как для русских дворян XVIII века было очень важно, проявляет ли дворянин благородство и добросердечие в отношениях с людьми своего круга, и совершенно не важно, если он при этом засекает до смерти своих крепостных.

Попробуем «подвести черту». Надо ли элите бояться Путина? Стопроцентных гарантий безопасности не может дать никто, тем более в нашей ситуации. И «семья» могла ошибиться, и начальники Путина могли чего-то в нем не заметить, поскольку в то время никакой опасности для них он не представлял. Наконец, человек может меняться под влиянием доставшейся ему власти, какие-то крохотные и безвредные в обычной жизни комплексы могут разрастись до опасных размеров. Между тем как у элиты не было никаких возможностей повлиять на выбор Путина преемником, так у нее нет и серьезных институциональных гарантий и средств сопротивления, если Путин все-таки начнет действовать против ее интересов.

Элита создала авторитарный режим практически неограниченной власти безальтернативного президента, ибо только при таком режиме можно было осуществить нашу приватизацию и до невысказанных в развитом мире размеров увеличить разрыв в доходах между богатыми и бедными. Но нельзя одновременно «иметь пирог» и «съесть его». Нельзя иметь авторитарную и неправовую систему, позволившую осуществить дележ «общенародной» собственности, не опасаясь народного протеста, и одновременно иметь полные гарантии от произвола этой авторитарной системы. Грань между независимостью верховной власти от народа и ее независимостью от элиты, между подавлением народа и подавлением элиты — очень тонкая и неопределенная. Созданный при Ельцине режим не дает стопроцентных гарантий того, что президент не выйдет из-под контроля и не перейдет этой грани. Такие гарантии мог бы дать лишь действительно демократический режим с разделением властей и ротацией власти. Но при таком режиме была бы невозможна наша свобода обогащения элиты, невозможна была бы и сама наша элита. За все в этом мире приходится платить. Шансы на превращение Путина в тирана, может быть, и не велики, но они есть, и совсем уж спокойно спать элита не может.